

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

Ленинград 1985

речит Геродоту также замечание Диодора о том, что эллины во главе с Леотихидом и Ксантиппом обсуждали вопрос о переселении ионийцев и эолийцев в Европу и убеждали их покинуть Азию. Вывод Диодора, заключающийся в том, что азиатские эллины сначала было согласились с выдвинутым предложением и стали готовиться к отплытию, а затем уступили совету афинян, изменивших свое мнение, также вытекает из рассуждений Геродота.

Несомненно ценным добавлением к сообщению Геродота, подтверждающим вывод о переговорах афинян с ионийцами и формирование имперского характера афинской внешней политики, является замечание Диодора о том, что афиняне, убеждая ионийцев, говорили, что только они, находясь с ними в родстве, способны оказать им помощь. Кроме того, Диодор отмечает, что афиняне опасались того, что ионийцы, переселенные эллинами в Европу, уже более не будут признавать Афины метрополией.

Наряду с этим есть и действительные различия между двумя авторами. Диодор, в отличие от Геродота, сообщает, что предложение о переселении ионийцев и эолийцев в Европу на земли тех эллинов, которые выступали на стороне персов, внесли на обсуждение не пелопоннесцы, а эллины во главе с Леотихидом и Ксантиппом, причем Диодор упускает и другую не менее существенную деталь рассказа Геродота, а именно то, что пелопоннесцы предлагали предоставить ионийцам морские порты проперсидски настроенных эллинов. Эти расхождения, по-видимому, объясняются тем, что в данном случае, как и в большинстве других, мы имеем дело с некоторыми негативными последствиями сокращения Диодором текста Геродота.

Итак, сопоставление известных сообщений Геродота и Диодора показывает, что они в основном согласуются между собой и взаимодополняют одно другое. Общий же вывод, который вытекает из анализа этих сообщений, заключается в следующем. Совещание на Самосе явилось важной вехой в истории эллинского союза. Оно показало, что Спарта не имела абсолютного большинства в союзе и не могла проводить нужные для себя решения без какого-либо противодействия. Попытка пелопоннесцев вместе с лакедемонянами переключить внимание союзников на борьбу против тех эллинов, которые выступали на стороне персов, не достигла успеха.

Что касается афинян, то они, опираясь на свое морское mightство, впервые со времени образования эллинского союза выразили категорическое несогласие со Спартой и пелопоннесцами и, подстрекая против них ионийцев, положили начало расколу в эллинском союзе против персов. Спартанцы, желая сохранить единство в союзе, а вместе с тем и свое господство в Элладе, уступили афинянам и согласились продолжать военные действия против персов в Эгейиде.

Л.Г.Печатнова.

ЦАРЬ ПАВСАНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СПАРТЕ В КОНЦЕ У ВЕКА

Для понимания внешнеполитического курса Спарты в ближайшие после 404-го годы исключительно важное значение приобретает анализ внутриполитических коллизий, имевших место в Спарте в 403 г. и связанных с именем царя Павсания.¹ В научной литературе общепринятым является мнение, что критической точкой периода с 405 по 395 гг. является именно 403 г. В этом году в Спарте окончательно сформировалась сильная оппозиция Лисандру в лице царей и эфоров, в результате деятельности которых Павсаний был послан в Афины и Лисандр отстранен от большой политики. Хронология этих событий не вызывает особых разногласий: как правило, время пребывания Павсания в Афинах определяют в пределах весны - ранней осени 403 г. и все прочие сопутствующие обстоятельства соотносят именно с этой датой.²

В последние годы Пелопоннесской войны первенствующее положение Лисандра было столь безусловным, что, конечно, не могло

¹ Подробный очерк жизни и деятельности спартанского царя Павсания см.: Poralla P. Protopographie der Lakedaimonier. Breslau, 1913, Bd. 595, S. 103 f.; Schaefer H. Pausanias (26). - Rf., 1927, Bd. 18, №bd. 36, Sp. 2578-2584.

² Эд.Мейер считает, что Павсаний находился в Афинах летом 403 г. (Gd., 1902, Bd. V, §758, S. 41 f.). Ю.Белох датирует это событие ранней осенью 403 г. (GG., 1922, Bd. III, Abt. I, S. II, Ann. 3; Bd. III, Abt. 2, S. 210), а Т.Леншай - апрелем

не вызвать оппозиции в Спарте.³ Спартанская община в лице ее главных представителей - царей, эфоров и геронтов - не могла относиться равнодушно к такой концентрации власти в руках одного человека, хотя, пока шла война, она была вынуждена смотреть на это сквозь пальцы. Первую серьезную попытку поставить под контроль деятельность Лисандра предпринял царь Павсаний. Воспользовавшись уже сложившимся негативным отношением к Лисандру, особенно в среде эфоров, он сумел добиться от них издания декрета, в силу которого ему поручалось командование спартанской армией в Афинах и окончательное устройство тамошних дел (Хен. Нелл., II, 4, 29). Нет сомнений в исторической достоверности этого свидетельства, так как об этом же самом сообщают Диодор (XIV, 33, 6), Плутарх (Лис., 21) и Павсаний (Ш, 5, 1).

Ясно, что миссия Павсания - это первый серьезный удар, который нанесло спартанское правительство Лисандру, и здесь, по-видимому, следует искать ключ к пониманию спартанской политики этого периода. Согласно версии Ксенофonta, инициатива в этом деле полностью принадлежала Павсанию. Он сумел заручиться поддержкой трех из пяти эфоров и с помощью этого большинства провел декрет о своей экспедиции в Афины (Нелл., II, 4, 29). По-видимому, комитет эфоров 404/403 гг. уже с самого начала подозрительно относился к Лисандру. Вполне вероятно, как предполагает Ч. Гамильтон,⁴ на такое настроение эфоров частично повлиял инцидент с Гилиппом, который имел место непосредственно перед выборами нового состава эфората.⁵ По крайней мере,

того же года (Lenschau Th. Oi Триадота. - RE, 2. Reihe, Bd. VI, №bd. 12, Sp. 2357).

3 Относительно положения Лисандра и той роли, которую он играл в конце Пелопоннесской войны см. в особенности: Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., 1972, с. 45 сл.; Lotze D. Lysander und der peloponnesische Krieg. B., 1964, S. 54 f., 62, 69 f.

4 Hamilton Ch. D. Spartan Politics and Policy, 405-401 B.C. - AJPh, 1970, vol. 91, №3, p. 303 f.

5 Дата этого инцидента, вероятнее всего, середина лета 404 г., когда Лисандр был еще на Самосе (Хен. Нелл., II, 3, 6-9).

для части эфоров была характерна определенная холодность по отношению к Лисандру.⁶

Что касается мотивов Павсания, то наши источники (вполне в духе античной историографии) причину всех его поступков усматривают в чувстве мести и личной зависти по отношению к Лисандру (Хен. Нелл., II, 4, 29: Παυσανίας - ψυχούσας Λυσάνδρῳ; Диод., XIV, 33, 6: Παυσανίας - ψυχούσν μὲν τῷ Λυσάνδρῳ). Плутарх добавляет, что чувства Павсания вполне разделял второй царь - Агис (Лис., 21, 3). Таким образом, по крайней мере в этом деле оба царя проявили явидное единодушие. Однако видеть в действиях Павсания только личную антипатию к Лисандру было бы, конечно, необоснованным упрощением. Скорее всего, он был с самого начала принципиальным противником и Лисандра, и его методов, и всей его державной политики. Конечно, ему не могло импонировать то, что уже в течение ряда лет Лисандр фактически подменял собою и Спарту, и ее царей, создавая в Греции целую систему государств-клиентов, чьи правительства были лично ему преданы. У Павсания, по-видимому, впервые в 403 г. появилась

6 Ю. Белох считает, что Павсания поддерживали эфоры не 404/403, а 403/402 гг. По его мнению, кабинет 404/403 гг. был полностью пролиссийским, поскольку он фактически санкционировал очевидную навархию Лисандра на 404/403 гг. (Хен. Нелл., II, 4, 28). "Этот кабинет эфоров вплоть до следующего лета защищал политику Лисандра. Когда затем в августе 403 г. мы находим трех эфоров в оппозиции, то они, вероятно, уже принадлежали к следующей коллегии, которая как раз в это время вступила в должность" (GG², III, I, §. 2, Ann. I). Эта посылка заставила Ю. Белоха датировать время пребывания Павсания в Афинах не летом 403 г., как это делает большинство ученых, а ранней осенью, что делает очень напряженной хронологию осени 403 г. Как нам кажется, убедительным представляется мнение А. Эндрюса, выступающего против хронологических построений Ю. Белоха и считающего, что в данном случае текст Ксенофonta надо понимать буквально (Нелл., II, 4, 28-29): и назначение Лисандра гармостом, и декрет об экспедиции Павсания в Афины Ксенофонт явно считает делом рук одной и той же коллегии эфоров (см.: Andrewes A. Spartan imperialism? - In: Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978, p. 100, n. 23 (p. 305)).

возможность организовать действенную оппозицию Лисандру и с ее помощью изменить судьбу Афин, которые, по его мнению, в противном случае попали бы в прямую зависимость лично от Лисандра. Следы именно такой трактовки мотивов Павсания можно найти у Ксенофона, по словам которого "он [Павсания] боялся, что тот [Лисандр]... привлечет Афины на свою сторону" (Нел., П.4,29 : ἵδιας τοι γένοτο τὰς Ἀθήνας).⁷ Ту же аргументацию мы встречаем у Плутарха в биографии Лисандра. Главная цель Павсания в изложении Плутарха – это стремление закончить войну таким образом, "чтобы Лисандр опять с помощью друзей не стал господином Афин" (Лув., 21,3. Здесь и далее перевод С.Я.Лурье).

Среди мотивов Павсания не последнее место занимало также желание успокоить общественное мнение Греции. Уже осенью 404 г. в Греции начала кристаллизоваться оппозиция спартанской политике. Аргос, открытый соперник Спарты, был одним из первых городов, принявших изгнанников из Афин демократов (Diод., XIV, 6,2). Фивы и Мегары быстро последовали за ним (Хел. Нел. II, 4,1; Diод., XIV, 6,3). Если верить Диодору и Плутарху, Фивы пошли еще дальше, они налагали штраф на каждого фиванца, откававшего афинскому изгнанику в гостеприимстве (Diод., XIV, 6,3), и были "глухи и слепы" к тем, кто проносил "через Беотию оружие в Афины против тиранов" (Plut. Лув., 27,3). Эта внешняя оппозиция не могла не повлиять на настроения в самой Спарте. Здесь, по-видимому, уже начали понимать, насколько опасно для Спарты поддерживать тиранию Тридцати и нести коллективную ответственность за все насилиственные акции и преступления этого режима. По словам Диодора, среди мотивов, которыми руководствовался Павсаний, кроме зависти и успехам Лисандра, присутствовало и понимание пагубности для Спарты действий Лисандра в Афинах, ибо он "видел, что Спарта приобретает печальную репутацию у греков" (Diод., XIV, 33,6). Это общее негативное отношение к Спарте сказалось и в том, что наиболее

⁷ Ср. перевод этого места у С.Я.Лурье, который нам кажется не совсем точным.

значительные ее союзники, Фивы и Коринф, отказались присоединиться к армии Павсания из-за того, что, по их мнению, Спарта хотела сделать территорию афинян своим собственным владением (Хел. Нел. II., П.4,30). Следовательно, среди союзников существовала сильная оппозиция Спарте из-за ее интервенции в Афинах, и Павсаний, скорее всего, отдавал себе в этом отчет.

Вся деятельность Павсания в Афинах носила явный антитиранический характер. Оба эфора, сопровождавшие его, полностью поддерживали политическую программу царя, поскольку, по словам Ксенофона, "они больше склонялись к образу мыслей Павсания, нежели Лисандра" (Нел., П.4,36). Юстин объясняет поведение Павсания в Афинах мотивами гуманности: Павсаний, движимый состраданием к изгнанному народу, вернул несчастным гражданам отчество (У, 10,7. Пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского). Об антитиранических настроениях спартанского царя пишет и Павсаний: он не желал, усиливая тираническую власть безбожных людей, покрыть Спарту несмыываемым позором (Ш, 5,2).⁸ Объективно действия Павсания в Афинах положили конец влиянию Лисандра и полностью опрокинули его политику по поддержанию тиранических режимов в подчиненных городах.

Конечно, успех Павсания в Афинах был не случаен. За ним стояла большая подготовительная работа и обработка общественного мнения в самой Спарте. То, что в Спарте перед отправкой Павсания в Афины шла ожесточенная политическая борьба, доказывает одно место у Плутарха, где говорится о том, что Павсанию даже пришлось прибегнуть к обману для успокоения той части правительства, которое выступало за активную внешнюю политику. Им он заявил, что отправляется "на помощь тиранам, против народа", тем самым выставляя себя чуть ли не продолжателем дела Лисандра (Лув., 21,3).

Конечно, антилисандровская направленность политики Пав-

⁸ См. комментарии С.Я.Лурье к "Греческой истории" Ксенофона (Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935, с. 260). Перевод этого отрывка из Павсания принадлежит также С.Я.Лурье.

сания бесспорна. По этому поводу никаких разногласий нет.⁹ Однако был ли Павсаний принципиальным противником всей внешней политики Спарты в том виде, как она сложилась после 407 г., или же его действия определялись только неприятием Лисандра? По-видимому, справедливо первое, и прав Ч. Гамильтон, считавший Павсания лидером "партии", стоявшей в оппозиции к новой державной политике Спарты, "безотносительно к тому, направлялась ли она Лисандром, или же более ортодоксальной кооперацией эфоров, царей и герусии".¹⁰ Надо думать, что за Павсанием стояла та умеренная часть спартанцев, которая выступала против создания спартанской державы в том виде, как она была задумана и организована Лисандром. Они должны были ратовать за уничтожение системы гармостов и дарование завоеванным полисам автономии. Это по сути дела означало возвращение к той внешней политике, которой Спарта следовала с начала У. и до Пелопоннесской войны. Павсаний и его сторонники скорее всего опасались, что агрессивный и жесткий внешнеполитический курс Спарты в конце концов приведет к отчуждению от Спарты ее традиционных союзников и развалу Пелопоннесской лиги. Первые симптомы тому уже были налицо.

Во внутренних политических делах "партия" Павсания должна была выступать на стороне тех, кто уже в 404 г. с большим оплакиванием смотрел на приток богатств в Спарту, считая, что отступление от принципов Ликурга в этом пункте может привести к расколу спартанской общины. Этим, как их называет Плутарх, "наиболее проницательным из спартанцев", удалось одержать значительную победу над Лисандром: община подтвердила еще раз

⁹ См., например, Meyer Ed. 1) *Gda*, Bd. V, § 758, S. 41 f.; 2) *Forschungen zur Alten Geschichte*, Bd. I. Halle, 1892, S. 232 ff. Эд. Мейер называет Павсания "главным противником Лисандра, сторонником честной политики" (S. 234); Beloch K.J. *GG* III, S. 11; Oliva P. *Sparta and her social problems*. Prague, 1971, p. 181 f.

¹⁰ Hamilton Ch. Op. cit., p. 307.

существовавшее ранее запрещение для ее граждан иметь в частном владении золото и серебро, сделав это право исключительной монополией государства (*Plut. Lys.*, I⁷). При первом же удобном случае этот закон был обращен против друзей Лисандра. Так, в 403 г. был обвинен в его нарушении и казнен друг и сподвижник Лисандра Форак, занимавший важный пост гармоста на Самосе (*Ibid.*, I⁹).¹¹ Конечно, такое отношение государства к "новой аристократии", созданной Лисандром, вело к тому, что эти люди предпочитали не возвращаться в Спарту. Надо думать, что таким путем Спарта потеряла многих талантливых военачальников, de facto эмигрировавших из Спарты и превратившихся в командиров наемных отрядов.

Дискуссия о деньгах в Спарте имела еще один аспект. Она способствовала процессу открытого и окончательного размежевания спартанского общества по крайней мере на два лагеря: сторонников и противников политики Лисандра. Среди последних, по-видимому, находились оба царя, временно объединенных общей ненавистью к Лисандру. Доказательством тому можно считать их совместное решение о посылке Павсания в Афины (*Plut. Lys.*, II, 21, 3).

Павсанию, по-видимому, нелегко было добиться одобрения своих планов. Из пяти эфоров только трое разделяли его точку зрения (*Xen. Hell.* I, 4, 29). Этот факт говорит о том, что Лисандр имел еще достаточное влияние в Спарте, коль скоро даже совместные усилия обоих царей не обеспечили им подавляющего большинства голосов в комитете эфоров.

В Афины Павсаний прибыл, по-видимому, с твердым намерением положить конец гражданской войне и уничтожить тот тиранический режим, который еще существовал там благодаря усилиям Лисандра. Все его действия, насколько их можно представить себе, судя по рассказу Ксенофона, были проникнуты явной симпатией к перейским демократам и лидеру их Фрасибулу.¹² Пав-

¹¹ О Фораке см.: Poralla P. Op. cit., N 380, S. 66.

¹² Это не единственный известный нам случай поддержки Павсанием демократов. Уже будучи в изгнании и действуя через своего сына Агесиполида, он спас от смерти 60 манинейских демократов (*Xen. Hell.*, I, 2, 6). Его сыновья также отличались весьма либеральными взглядами (*Diod.*, XV, 19, 4; *Polyb.*, IX, 23, 7).

саний сделал все возможное, чтобы перейти от военных действий к мирным переговорам. Правда до конца своих планов он старался не раскрывать, по сути дела вступив в тайные сношения с демократами, засевшими в Пирее (*Xen. Hell.*, II, 4, 31). По мнению Ч. Гамильтона, такое поведение Павсания проливает свет на разногласия в политике антилисандровской коалиции и предполагает наличие по крайней мере еще одной партии, возглавляемой царем Агисом.¹³

Благодаря своим дипломатическим способностям Павсаний вернулся домой, достигнув успеха в нескольких направлениях: во-первых, он сумел остановить Лисандра, во-вторых, добился значительного отхода Спарты от нового "империалистского" курса и, в-третьих, сделал примирительный жест в сторону союзников.

По словам Эд. Мейера, "умиротворение партий в Афинах, приведенное Спартой, было вместе с тем и открытым отказом от Лисандра и его политики. Правительство и народ объявили и доказали своими действиями, что они не имеют с ним ничего общего и не хотят устанавливать никакой тирании, но желают только выполнить свое слово".¹⁴

Почти сразу же по возвращении из Афин Павсаний был обвинен в государственной измене и привлечен к суду. Процесс проходил скорее всего зимой 403/402 г. Эта дата является обще принятой в научной литературе.¹⁵ Она легко выводится из ука-

13 Hamilton Ch. Op. cit., p.309.

14 Meyer Ed. GdA, 1902, Bd. I, § 759, S. 43 f. Конечно точка зрения Эд. Мейера на Спарту и, в частности, на роль Павсания несет в себе элементы идеализации. По его словам, "поведение Спарты в отношении Афин является самой славной страницей ее истории; за это Афины, точно так же, как и весь мир в первую очередь должны благодарить благородного царя из дома Агиадов".

15 См.: Beloch K.J. GG², III, 1, S.15, Ann.4; Smith R.E. Ly-
sander and Spartan Empire. - OlPh, 1948, vol.43, N 3, p.147 f.;
Hamilton Ch. Op. cit., p.306. Т.Ленштадт дает более раннюю да-
тировку просто для того, чтобы суд мог быть проведен эфорами
404/403 г. (*Lenschau Th. Ol Triakontas. - KK*, 2.B., Bd.VI,
Hbd. 12, sp. 2357).

зания Плутарха в его трактате "О славе афинян" (*Plut. De gloria Athen.*, 7,349 F), что примирение граждан имело место 12 боздромиона, т.е. в конце сентября - начале октября. Следовательно, Павсаний был судим новым комитетом эфоров 403/402 г., который приступил к своим обязанностям в августе-сентябре 403 г.

Писатель П. в. Павсаний, наш главный источник по этому вопросу, следующим образом описывает суд над спартанским царем: "Когда он /Павсаний/ вернулся из Афин после такого бесплодного сражения, его враги призвали его на суд. В суде над лакедемонским царем заседают так называемые геронты, двадцать восемь человек, вся коллегия эфоров, а вместе с ними и царь из другого царского дома. Четырнадцать геронтов, а также Агис, царь из другого царского дома, признали, что Павсаний виновен; все же остальные судьи его оправдали" (Ш,5,2. Пер. С.П. Кондратьева). Это место Павсания очень важно для правильной оценки расстановки сил в Спарте. Конечно, суд был инспирирован Лисандром и его сторонниками и явился их ответной, хотя и запоздалой реакцией на действия Павсания в Афинах. На их стороне в этот момент оказался и царь Агис, о чьем настороженном отношении к Павсанию пойдет речь далее.¹⁶ Однако результаты суда, конечно, оказались неожиданными для Лисандра и показали, сколь неверно он оценивал внутриполитическую ситуацию в Спарте. Если еще полгода назад Павсания поддерживало только трое эфоров из пяти, то сейчас весь комитет единогласно проголосовал за оправдание Павсания. В этом проявилось, конечно, понимание определенной частью спартанцев того, что политика Лисандра уже непригодна для них.

Постоянная поддержка, которую эфоры оказывали Павсанию в Афинах (*Xen. Hell.*, II, 4, 35-36), и их поведение на суде -

16 Meyer Ed. GdA, Bd. I, § 759, S. 44: "Теперь его /Лисандра/ сторонники пытались во главе с царем Агисом, по крайней мере, задним числом отменить происшедшее"; Beloch K.J. GG², III, 1, S.14 f.; Kahrstedt U. Lysandros. - KK, 1927, Bd. III, Hbd.26, Sp.2505; Gary M. The Ascendancy of Sparta. - CAH, 1927, vol.VI, p.31.

Это свидетельства единства политических программ Павсания и эфората. Насколько мы вообще можем судить, эфорат всегда отражал мнения и настроения народного собрания в Спарте и "должен был менять свою политику по крайней мере также часто, как это делали его избиратели".¹⁷ Те три раза, когда Ксенофонт в своей "Hellenica" упоминает спартанскую апеллу, он это делает только для того, чтобы сообщить о каком-либо совместном решении эфоров и народного собрания (II,4,38 - послать к Павсанию в Афины комиссию для скорейшего примирения граждан; III,2,23 - о начале войны с Элидой; IV,6,3 - начать войну с Акарнанией). За всю историю Спарты мы не знаем ни одного случая конфликтных ситуаций между эфорами и народным собранием. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что эфоры, будучи избранными из всей массы граждан, в общем отражали интересы избирателей и, очевидно, понимали, насколько далеко они могут заходить в своей независимости.¹⁸

Современные историки иногда говорят о политике эфоров или о традициях эфоров, как если бы существовал некий "мистический континуитет" между сменившими друг друга коллегиями, и предполагают обязательность вражды между эфорами и любым выдающимся царем.¹⁹ На самом деле это было далеко не так. Эфоры выражали волю большинства и были столь же последовательны в своих симпатиях и антипатиях, как то спартанское общество, которое они представляли. А.Джонс в своей монографии, посвященной структуре спартанского общества, на многочисленных примерах доказывает именно эту тезу. По его мнению, любые колебания в настроениях эфоров всегда отражали политическую нестабильность общества. "Когда царь, подобно Агесилаю, проводил политику, которой

¹⁷ Andrewes A. The Government of Classical Sparta - In: Ancient Society and Institutions. Oxford, 1966, p.8.

¹⁸ Подробно о совпадении политической линии эфората и народного собрания см.: Andrewes A. The Government of Classical Sparta, p.14.

¹⁹ В наиболее крайней форме этот взгляд представлен в работе Г.Диккенса (Dickins G. The Growth of Spartan Policy. - JHS, 1912, 32, p. 1-42).

поддерживали все спартанцы, эфоры оказывали ему полную поддержку. Когда же царь, подобно Архидаму, боролся с потоком общественного мнения, он нередко встречал сопротивление эфоров".²⁰

Этот небольшой экскурс позволяет нам прийти к выводу, что в Спарте окончательно сформировался антилисандровский блок, во главе которого на паритетных началах стояли Павсаний и комитет эфоров. Как нам кажется, союз эфоров с одним из царей был обязательен для успешной реализации любого политического акта, и решение вопроса о том, какой из двух элементов - царь или эфорат - важнее, вряд ли приведет к плодотворным результатам.²¹

Что удивляет и требует дальнейших объяснений - это голосование царя Агиса за осуждение Павсания. Мы знаем, что Агис летом 403 г. поддержал решение о посылке Павсания в Афины. Почему же теперь, несколько месяцев спустя, он голосовал против него? Возможно, Агисом руководило желание устраниТЬ Павсания, точно так же, как раньше с помощью того же Павсания он устраниЛ Лисандра. Удаление с политической арены таких крупных фигур, как Лисандр и Павсаний, конечно, должно было соблазнить Агиса и внушить мысль хотя бы к концу жизни добиться ведущего положения в своем государстве.²²

²⁰ Jones A.H.M. Sparta. Oxford, 1967, p.26-30.

²¹ Ю.Белых полагает, что лидером движения против Лисандра был именно Павсаний (см. II, 8. II). Наоборот, другие учёные, такие, например, как У.Карштедт и Г.Шефер, отдавали предпочтение эфорату. По мнению Г.Шефера, функции Павсания ограничивались только военным командованием (Kahrstedt U. Lysander. - RE, Bd.XIII, №6bd.26, Sp.2505; Schaefer H. Pausanias. - RE, Bd.XVIII, №6bd.36, Sp.2580 f.).

²² Карьера Агиса II была не слишком благополучной. Всю жизнь его преследовали неудачи и разочарования. В 418 г. он оказался в опале из-за провала аргосской кампании (Thuc., V,58-63, особенно 63). В ходе судебного разбирательства было принято решение приставить к Агису десять спартанцев, которые должны были впредь находиться при нем в качестве советников (τύμρου). Без них он не имел права выводить войско в поле. Есть мнение, что это ограничение имело силу лишь для Агиса (см.: Busolt G.; Swoboda H. Griechische Staatskunde, Nr.2. München, 1926, S.676). Затем в течение нескольких лет он фактически находился в изгнании, командуя спартанским гарнизоном в Декелее. Наконец, с именем Агиса связана непри-

Второй возможной причиной враждебности Агиса к Павсанию было то, что последний, скорее всего, нарушил их принципиальное соглашение, заключенное перед афинской акцией. По-видимому, не случайно на всех действиях Павсания в Афинах лежит налет таинственности. Ему приходилось скрывать свои планы не только от сторонников Лисандра, но и от царя Агиса, которого, как видно, не устраивала слишком мягкая позиция Павсания в Афинах и восстановление там демократии. Явным доказательством того, что на Павсания в 403 г. нападали именно за его внешнюю политику, является второй суд над ним в 395 г. Восемь лет спустя после первого суда Павсанию снова инкриминировали его либерализм по отношению к афинской демократии (Хел.НеII., Ш.5,25). В это время афинское государство снова стало опасным для Спарты, и Павсанию не могли простить того, что именно он был виновником реставрации демократии в Афинах.

Таким образом, уже через год после окончания Пелопоннесской войны спартанское государство попало в полосу затяжного внутриполитического кризиса. Общество разбилось на несколько враждующих между собой партий, во главе которых стояли соответственно Лисандр, Павсаний и Агис. Во внутренних делах Лисандр и его сторонники выступали за смягчение слишком строгих законов Ликурга, касающихся богатства и роскоши, в то время, как партия Павсания скорее всего ратовала за возвращение к традиционному укладу и порядку. Агис, по-видимому, во внутристоронних делах склонялся к образу мыслей Павсания, а во внешней политике был скорее последователем Лисандра. Анализ расстановки сил перед посылкой Павсания в Афины и дальнейший суд над царем ясно демонстрируют раскол правящей элиты спартанского общества на несколько враждующих между собой партий. Как справедливо полагает Ч.Гамильтон, сравнительная неактив-

ятная история о связи его жены с Алкивиадом и публичный отказ царя от собственного сына Леотихида (Хел. НеII., Ш.3,1-4; Plut. Aic., 23,7-8; Lys., 22,4-6). Об Агисе см.: Rogalla P. Op. cit., N 25, S.11 ff.; Hamilton Ch. Op.cit., p.307 f. Ч.Гамильтон считает, что Агис возглавлял партию в Спарте, выступающую за активную внешнюю политику, но без Лисандра. Ключ к событиям 404-399 гг. он видит в наличии трехпартийной системы.

ность спартанцев за границей в ближайшие семь лет после 403 г. объясняется тем, что существующие политические течения и партии в Спарте сплелись в сложный и противоречивый клубок, и вся политическая жизнь Спарты разрывалась, таким образом, между различными течениями, за которыми стояли враждебные друг другу политические группировки. Ни одна из них не была способна эффективно контролировать государство.²³ По-видимому, наличие по крайней мере трех активных политических партий в Спарте и острая борьба между ними помешали Спарте выработать постоянное направление во внешней политике после 404 г.

Что касается дальнейшей судьбы царя Павсания, то она и впредь была самым тесным образом связана с судьбой его антигонаста Лисандра. О Павсании мы мало слышим вплоть до его оппозиции Лисандру в 399 г. по вопросу о наследнике царя Агиса. Как полагает С.Я.Лурье, Леотихид, сын царя Агиса, был сторонником той политической партии, которая группировалась вокруг династии Агиадов и возглавлялась в это время "одаренным и предпримчивым" царем Павсанием.²⁴ Руководители враждебной ему группировки, Лисандр и Агесилай, конечно, не могли допустить того, чтобы оба спартанских царя принадлежали к оппозиции и путем сложной политической интриги сумели помешать Леотихиду занять трон своего отца (Хел.НеII., Ш.3,1-4; Plut. Lys., 22; Ages., 3; Paus., Ш.8,5; Herod. Ages., 1). Кроме участия царя Павсания в споре о престолонаследии на стороне Леотихида, его политическое влияние в эти годы, возможно, прослеживается и в том факте, что Спарта не обратила внимания на две акции, которые имели место в 401 г.: захват фиванцами Оропа и инкорпорация афинянами Элевсина (Diod., XIV, 17, 1-3; Хел. НеII., II,4,43).

Политическая карьера Павсания закончилась в 395 г., причем самым неожиданным образом. Он был послан во главе спартанской армии против Фив, но прибыл туда лишь после битвы при

23 Hamilton Ch. Op.cit., p.310.

24 Lauria S. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des V. Jahrhunderts. - Klio, 1927, Bd. 21, S. 412.

Галикарте, в которой Спарта потерпела поражение, а Лисандр погиб. Таким образом,вольно или невольно Павсаний стал причиной гибели своего "вечного" врага Лисандра. По возвращении он был привлечен в суд и приговорен к смертной казни. Однако он успел бежать в Тегею, где и провел последние десять лет своей жизни (Хеп.НеII., III,5,5-6 ; Plut.Лув., 28-29 ; Diod., XIV, 89, I). Находясь в изгнании, Павсаний, по-видимому, занялся литературной деятельностью и уже с помощью пера попытался осмыслить причины своего политического поражения. В этой своей попытке теоретически осмыслить создавшуюся в стране ситуацию и предложить свое решение проблемы он опять-таки был схож с Лисандром. Последний также предлагал свой вариант реорганизации системы управления с помощью внесения поправки к законам Ликурга, касающейся избрания царей (Plut. Лув., 30; Ages., 20; Moral., 229E-F; Diod., XIV, 13, 2; 8). "Сам проект задуманной Лисандром реформы, - по мнению Э.Д.Фролова, - свидетельствует о желании добиться первенствующего положения и единоличной власти по возможности законным путем".²⁵ Эта мысль верна, как нам кажется, отчасти и для проекта Павсания.

Разберем существующую традицию. У Эфора мы находим сообщение о том, что Павсаний был автором какого-то исследования о конституции Ликурга. Это место из Эфора приводит в своей "Географии" Страбон (Еργονα аρ. Strab., VIII, 5, 5 = FgrHist70 F118). Однако текст этого отрывка сильно испорчен, и поэтому столь различны его интерпретации. В лучшей рукописи Страбона - Парижском кодексе конца XIV в. (A) - это место имеет много лакун, приблизительно по 15 букв в каждой строке.²⁶

²⁵ Фролов Э.Д. Греческие тираны, с.60.

²⁶ Эд.Майер в своих студиях о царе Павсании приводит сохранившийся рукописный текст этого отрывка Эфора лишь с теми добавлениями, которые, по его мнению, были вполне надежны. Однако Ватиканский палимпсест ему еще не был известен, что самым решительным образом повлияло на всю его концепцию относительно взглядаов Павсания на систему государственного управления (Meyer Ed. Forschungen zur Alten Geschichte, S. 235 ff.).

Открытие и издание в конце XIX в. Ватиканского палимпсеста (У), содержащего фрагменты Страбона,²⁷ позволило не только восстановить некоторые спорные места, но и пересмотреть всю нашу традицию о политической направленности трактата Павсания.

Приведем полный текст этого отрывка по изданию Ф.Якоби (FgrHist 70F118, 23 - 26), с теми исправлениями, которые были внесены туда издателем с учетом новых данных: Παύσανιον τε τῶν Εὐρυπόντιδῶν ἐκκεβόντα ὑπὸ τῆς ἑτέρας οἰκίας,²⁸ οὐ τῇ φυγῇ συντάξαι λογίους, κατὰ τῶν <Λύγχοντ> γονόμων, ὅντος τῆς ἐκράλλούσης οἰκίας, ἐνῷ καὶ τοὺς ἀρχέμονας, λέγει τοὺς δοθέντας αὐτῷ ἀπ' ἐκγύρων πλειστῶν.

В таком виде этот текст становится в принципе приемлемым для чтения, хотя в нем все-таки остаются некоторые неясности (например, не вполне ясен генетив в начале предложения).

Г.А.Стратановский следующим образом переводит этот отрывок: "Павсаний, после того, как он был изгнан вследствие ненависти к нему Европонтидов - другого царского дома, в изгнании сочинил речь о законах Ликурга (который принадлежал к дому, изгнавшему Павсания); в этой речи он говорит об оракулах, данных Ликургу относительно большинства законов".

Из перевода Г.А.Стратановского, который, по-видимому, придерживался конъектуры, предложенной Эд.Майером, следует, что Павсаний сочинил речь о законах Ликурга, тогда как предлог *κατὰ* перед именем Ликурга в Ватиканском палимпсесте говорит о том, что это место надо переводить следующим образом: "Павсаний ... сочинил речь против законов Ликурга".

²⁷ О рукописной традиции Страбона см.: Стратановский Г.А. Рукописное предание и первые издания Страбона. - В кн.: Страбон. География в 17 книгах. М., 1964, с.792.

²⁸ Κατὰ τῶν - из Ватиканского палимпсеста. В Парижском кодексе в этом месте лакуна. Конъектура Эд.Майера - πέρι τῶν.

Некоторые ученые полностью отвергают идею о том, что Павсаний мог выступить с критикой законов Ликурга. Среди них можно отметить Эд.Мейера и Ю.Белоха.²⁹ По словам Эд.Мейера, "гипотеза, что Павсаний написал сочинение против Ликурга, не может быть правильной. И как согласуется подобное сочинение, - продолжает он, - с характером Павсания, главного противника Лисандра, сторонника честной политики, царя, который помешал расправе над Афинами... и спас македонских демократов от смерти, а Спарту от позора? Разве мог этот Павсаний написать поносное сочинение о Ликурге, который честность и исполнение долга сделал высшей заповедью, на законах которого зиждалась также власть царей? Сочинение не против Ликурга, а в его защиту написал Павсаний: от государства, которое отправило его в изгнание и которое попрало старый порядок, он апеллировал к законодателю, которому это государство было обязано своей мощью".³⁰

Ю.Белох, в отличие от Эд.Мейера, склонен к заниженной оценке личности Павсания: по его мнению, Павсаний в изгнании мог написать лишь сочинение, имеющее целью умилостивить общественное мнение и добиться разрешения возвратиться на родину.³¹

В.Эренберг, Г.Шефер, а за ними и П.Олива заняли другую позицию в этой дискуссии. Основываясь на тексте Страбона, сохраненном в Ватиканском палимпсесте, они предложили новую трактовку этого пассажа, из которой следует, что сочинение Павсания было направлено против законов Ликурга.³² В качестве

²⁹ Meyer Ed. *Forschungen zur Alten Geschichte*, S.231-236; Beloch K.J. GG², III, 1, S.71 f., Ann.4.

³⁰ Meyer Ed. *Forschungen zur Alten Geschichte*, S.234 f.

³¹ Beloch K.J. GG², III, 1, S.71, Ann.4.

³² Ehrenberg V. *Neugründner des Staates. Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens in VI Jahrhundert*. München, 1925, S.14, 124, Ann.9; Schaefer H. *Pausanias*. - RE, Hbbd.36, Sp. 2583; Oliva P. Op. cit., p.187.

дополнительного аргумента в защиту своей концепции они приводят отрывок из "Политики" Аристотеля, в котором идет речь о том, что Павсаний пытался избавиться от эфората. Вот этот отрывок, данный в более широком контексте, и перевод его, сделанный С.А.Жебелевым (У, I30Iъ 17-20): *ετεὶ ἔροι τὸ μέρος της πολιτείας οἷον ἀρχή τινα καταστῆσαι ηὐελεῖν, ὥσπερ ἐν Λακεδαιμονίῳ όποι Λύσανδρος τινες ἐπιχειρήσας καταλήσας τὴν ράβδειαν καὶ Παυσανίαν τὸν ράβδον τὴν ἐφορείαν.*

"Иногда государственный переворот имеет в виду произвести только частичное изменение в государственном строе, например, учредить или отменить какую-либо магистратуру. Так, по утверждению некоторых, в Лакедемоне Лисандр пытался отменить царскую власть, а царь Павсаний - уничтожить эфорию".

Конечно, сразу возникает вопрос, о каком Павсании идет речь у Аристотеля? А.И.Доватур в своей монографии, посвященной "Политике" Аристотеля, подробно разбирает обе версии, существующие в научной литературе.³³ По его мнению, "нельзя с полной уверенностью сказать, какому из носителей этого имени приписывал источник Аристотеля стремление упразднить эфорию. За тождество с Павсанием времен Персидских войн говорит сходство честолюбивых замыслов, против - то обстоятельство, что Павсаний в этом месте назван царем".³⁴

К сторонникам отождествления аристотелевского Павсания с победителем при Платеях относятся, например, С.А.Жебелев, Ю.Белох и Ф.Оллье.³⁵ Этой же гипотезы придерживаются комментаторы Аристотеля Ф.Зуземиль и В.Ньюмен.³⁶

³³ Доватур А.И. *Политика и политии Аристотеля*. М.; Л., 1965, с.373, прим. 48.

³⁴ Там же, с.247.

³⁵ Жебелев С.А. Прим. к У, I30Iъ 20. - В кн.: Аристотель. *Политика*. М., 1911, с.206, прим. I; Beloch K.J. GG², III, 1, S.71, Ann.4; Ollier F. *Le mirage spartiate*. P.1. Paris, 1933, p.105.

³⁶ Aristoteles' *Politik*, griech. und deutsch... Hrsg. v. Fr. Susemihl, II. Leipzig, 1879, S.318, Ann.1498; *The politics of Aristotle* by W.L.Newman. Vol.III, Oxford, 1902, p.447.

С резкой и достаточно обоснованной критикой этой точки зрения выступает Эд.Мейер.³⁷ К его мнению присоединяются П.Поралла и П.Олива.³⁸ В советской литературе к сторонникам отождествления аристотелевского Павсания с царем Павсанием, современником Лисандра, относится Н.И.Голубцова.³⁹

Если встать на последнюю точку зрения, которая кажется нам более обоснованной, во-первых, в силу того, что Аристотель называет Павсания царем, во-вторых, основываясь на разобранном выше свидетельстве Эфора о литературной деятельности именно царя Павсания, а не регента с тем же именем, то картина получится следующей: царь Павсаний, находясь в изгнании, написал какое-то сочинение, направленное против установлений Ликурга, одним из пунктов которого, по-видимому, была критика в адрес эфората. Как и Лисандр, Павсаний законодательным путем сверху хотел внести изменения в государственное устройство Спарты таким образом, чтобы создать царской власти условия наибольшего благоприятствования. Сделать это, как он наверное полагал, можно было только уничтожив эфорат или подчинив этот орган непосредственно царям. Что касается двойной царской власти, то Павсаний, конечно, не мог не мечтать об ее упразднении или хотя бы преобразовании. По мнению Ю.Белоха, Павсаний на протяжении всей своей жизни занимал подчиненное положение по отношению к своим соправителям из рода Эврипонтидов, сперва Агису, а затем - Агесилаю. И его сочинение могло быть направлено исключительно против Эврипонтидов.⁴⁰

37 Meyer Ed. *Forschungen zur Alten Geschichte*, S.234.

38 Poralla P. Op.cit., N 595, S.104; Oliva P. Op. cit., p. 187.

39 Голубцова Н.И. К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н.э. - Труды Моск. гос. историко-архивн. ин-та, 1958, т.12, с. 265.

40 Beloch K.J. GG², III, 1, S.71, Ann. 4. Ю.Белох считает, что Павсаний никак не мог выступать против эфоров, во-первых, потому что "о борьбе между царской властью и эфоратом в это время вообще не могло быть и речи", во-вторых, "Павсаний был бы менее всего способен возглавить подобную борьбу". Вряд ли Ю.Белох полностью тут прав. Во-первых, он исходит из того, что действительно во время правления царя Агесилая никаких конфликтов между царской властью и эфоратом не было. Но зато они были до и после этого времени. Во-вторых, его оценка личности и деятельности Павсания настолько зани-

Конечно, на основании столь немногих данных трудно что-либо большее сказать о сочинении Павсания, однако сам факт подобной, пусть даже чисто теоретической попытки выступить с критикой существующих в Спарте порядков, очень показателен. Лисандр, с одной стороны, а Павсаний - с другой - выдвинули приблизительно в одно и то же время свои проекты переустройства самых важных государственных магистратур в Спарте. Лисандр замахнулся на царскую власть, предложив расширить круг лиц, из которых должен был избираться один царь с тем, чтобы самому завоевать право на корону. Павсаний, со своей стороны, мог также думать о превращении диархии в монархию. Однако и Лисандр и Павсаний в конце концов потерпели поражение. Политика первого не соответствовала по своим задачам и методам самой сущности отсталого и примитивного государства, каким была и оставалась Спарта на рубеже У-IV вв.⁴¹ Выгоды от спартанской державной политики распространялись менее широко на гражданский коллектив Спарты, чем это было, например, в Афинах, и гораздо менее привлекали высший класс общества.⁴² Приток богатств в Спарту не означал для каждого конкретного спартанца возможность обогатиться. Владение золотой и серебряной монетой по-прежнему, несмотря на все усилия Лисандра, оставалось недоступным частным гражданам. В результате этого за Лисандром стояла только та часть граждан, которая в ходе войны превратилась в так называемую новую аристократию.

Социальная база Павсания была еще уже, чем у Лисандра. К его сторонникам, по-видимому, можно отнести довольно ограниченный круг лиц, представленных теми элементами граждан, которые решительно выступали против новых методов Лисандра как во внешней, так и во внутренней политике.

Таким образом, и слишком радикальная политика Лисандра и слишком консервативная - Павсания не нашли поддержки со стороны большинства спартанцев. Это удалось сделать представителю "средней" линии в политике - Агесилаю, который сумел

жен, что в нем он вообще отказывается видеть крупного государственного деятеля с какой-либо позитивной программой.

41 Подробнее о сущности этих противоречий см.: Фролов Э.Д. Греческие тираны, с.42-61.

42 Andrews A. Spartan imperialism, p.102.

соединить элементы внешней политики Лисандра с теми элементами во внутренней политике, за которые ратовал Павсаний. По мнению П.Оливы, "смерть Лисандра и осуждение Павсания положили конец периоду внутренней борьбы за власть в Спарте. Окончательным победителем стал царь Агесилай, чья внешняя политика была политикой экспансии, похожей на политику Лисандра, но чья внутренняя политика служила усилению авторитета царей".⁴³

Таким образом, нестабильность спартанского общества, которая, в частности, выразилась в острой внутриполитической борьбе, привела к тому, что Спарта в самый важный для нее момент оказалась неспособной выработать долговременный внешне-политический курс и по-прежнему проводить активную внешнюю политику. Спарта не смогла закрепить свою победу в Пелопонесской войне. Те негативные явления, которые исподволь накаливались в обществе, за несколько послевоенных лет выплеснулись наружу и парализовали весь государственный организм Спарты. Война, таким образом, привела Спарту к глубокому внутриполитическому кризису, который со всей определенностью показал, что объективно спартанское государство никак не могло вступить в "башмаки" Афин и создать державу того же порядка, каким была Афинская архэ. К моменту вступления Агесилая на престол уже не существовало однородного гражданского коллектива в Спарте, который один только и мог быть гарантом стабильности всего общества. Интенсивность процессов дестабилизации доказывается тем, например, что именно в это время получают законченное словесное оформление возникшие в Спарте новые группы полугражданского населения (гипомейоны).

Параллельно кризису "низов", наиболее ярким проявлением которого можно считать заговор Кинадона, характерен для Спарты этих лет был и кризис "верхов". Борьба за власть между ведущими правящими группировками в Спарте была выражением все того же общего кризиса полиса, который к этому моменту охватил уже все спартанское общество в целом. Как нам кажется, кризисные явления в Спарте носили более радикальный характер, чем это было, например, в Афинах. Объяснение тому, ко-

нечно, надо искать в особенностях спартанского государства. В Спарте, по-видимому, позже многих других полисов Греции началась эпоха глубоких внутренних смут и потрясений. Создается впечатление, что Спарта сразу, без всякой предварительной подготовки оказалась в эпицентре самых разнообразных кризисных явлений, затронувших все слои спартанского общества - от ее элиты до самых низов. По-видимому, как раз в силу запоздалого вступления Спарты в полосу кризиса все его проявления носили здесь исключительно бурный и неожиданный по своей силе характер. Именно в такой связи - как проявление начавшегося кризиса верхов в Спарте - можно рассматривать, во-первых, суд над Павсанием, во-вторых, дальнейшую попытку этого царя хотя бы теоретически найти выход из того тупика, в который, по его мнению, завела спартанское государство политика Лисандра.

Е.А.Круглов

ПОЛИС И ГРАЖДАНСКО-ХРАМОВАЯ ОБЩИНА В КАРИИ В У-ИУ ВВ.ДО Н.Э.

По эпиграфическому материалу и сообщениям античных авторов нам известно, что исконной формой организации карийского населения, ведшего в гористых условиях своей страны хозяйство "оазисного" типа, были гражданско-храмовые, или теократические общины. Эти объединения могли включать в себя либо одну общину родичей - сингенцию, либо сами организовываться между собой вокруг крупных культовых святилищ в союзы (*τὸ κολυού τῶν Καρῶν*). Однако характерным являлось то, что эта форма организации туземного населения Карии, однажды найденная и для своего времени, быть может, единствено рациональная, с течением веков так и осталась для Карии единственной. Такое положение дел объясняется не только геоклиматическими характеристиками Карии, хотя, конечно, климат и природные условия, остававшиеся в течение многих веков практически неизменными, оказывали соответствующее воздействие на занятия населения и

43 Oliva P. Op. cit., p. 188.